ВЕРА МОРОЗОВА

КОСТЯНАЯ ГАТЬ

СКВОЗЬ ЗАПОВЕДНЫЕ ТОПИ НАВИ

СЛАВЯНСКОЕ ТЕМНОЕ ФЭНТЕЗИ • ЗАВЕТ ПЕРВЫХ КНЯЗЕЙ

Вера Морозова

Костяная гать

«Автор»
2026

Морозова В.

Костяная гать / В. Морозова — «Автор», 2026

Когда великий князь Всеслав осквернил курганы предков и нарушил древний клятвенный завет, заповедные топи Нави проснулись, требуя страшную плату. Опальный воевода Ратибор Залесец, отказавшийся стать палачом невинного княжича Любомира, бежит от княжеских карателей в гиблые урочища. Единственной надеждой уцелевших ратников становится молодая травница Мирослава, внучка знахарки Ефросиньи, знающая тайный язык трясины. Впереди лежит древняя Костяная гать, морок Лешака и пробудившийся Хозяин Болот, жаждущий крови. Чтобы спастись и вывести дружину к вольным землям, им предстоит принести истинную виру и вступить в бой с тем, что страшнее смерти.

© Морозова В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Следы на багульнике 5
Глава 2. Черная ольха и первый узел 9
Глава 3. Зов болотницы 13
Глава 4. Мертвецы со Смородины 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Костяная гать

Глава 1. Следы на багульнике

Стебель болотного багульника хрустнул под костяным ножом с сухим, смолистым треском. Едкий, дурманящий запах тут же ударил в ноздри, смешиваясь с вечной сыростью прелого мха и застарелой болотной ржавчины. Мирослава провела загрубевшим пальцем по серому срезу, проверяя сок: стебель не сочился влагой, а значит, земля под ногами уже начинала стыть к ночи.

В сумерках топи всегда меняли голос. Днем они лишь лениво булькали в глубоких торфяных окнах, выпускали серые пузыри метана да шелестели сухой осокой под брюхом пролетающей выпи. Но стоило багровому солнцу скатиться за кривые верхушки карликовых сосен, как из черной воды поднимался липкий, ледяной туман. Местные старики в порубежных деревнях называли этот час Навьим вздохом. В этот час любая знахарка знала: закрывай ставни, бросай в печь горсть полыни и не отвечай, если за порогом позовут по имени знакомым голосом.

Бабка Ефросинья учила ее этому с тех самых пор, как Мира научилась отличать сердечную траву от ядовитого веха. Семь лет прошло, как старую ведунью снесли на песчаный холм за околицей, но ее строгий шёпот до сих пор звенел у Мирославы в ушах при каждом шаге по мшанику: «Не бери у трясины лишнего, девонька. Сорвешь девять былинок багульника, десятую оставь костяным хозяевам, иначе тропу под ногами спутают так, что до утра будешь по кругу ходить, пока жилы от стужи не сведет».

Мира аккуратно уложила пучок серых побегов в холщовую суму, перевязав стебли льняной нитью с тремя защитными узлами. Ей оставалось срезать лишь корень купены на краю мочажины, когда с суходола, со стороны старого княжеского тракта, донесся чужой, пугающий звук.

Это был не треск сушняка под ногой сытого лося и не глухое урчание медведя. Сквозь вечернюю сырость пробивался частый, надрывный стук подкованных копыт, переходящий в безнадежный, хриплый храп загнанного коня.

Мира мгновенно присела за узловатым стволом поваленной ольхи, сжимая в ладони рукоять ножа. Железо в эти края забредало редко. До ближайшего княжеского острога было добрых сорок верст по непролазным засекам, а разумные купцы обходили заповедные топи стороной еще со времен великого мора. Сюда вели лишь звериные тропы да тайные лазейки беглых холопов, которых топи переваривали за седмицу без следа и костей.

Хруст ветвей на краю березового перелеска стал громче. Из чащи вывалился крупный вороной конь с окровавленной пеной на удилах. Бока жеребца ходили ходуном, а левая задняя нога волочилась, оставляя на брусничнике густой темный след. В седле с трудом держался всадник в изрубленной кольчуге, поверх которой висел изодранный корзно из дорогого византийского сукна, заляпанный подсохшей грязью и кровью.

Всадник держал перед собой поперек седла неподвижное тело, завернутое в дорожный овчинный тулуп.

Следом за первым конем из перелеска вынырнули еще трое конных воинов. Они шли плотно, прикрывая тыл широкими миндалевидными щитами, на которых сквозь копоть и зарубки едва проглядывал княжеский сокол. Их доспехи звенели глухо, словно железо устало от беспрерывных ударов.

«Стой, воевода!» хриплым, простуженным басом крикнул старший из дружинников, осаживая взмыленного гнедого мерина. «Гнедой падает! Дальше только мох и черная жижа, кони увязнут по брюхо!»

Вороной под первым всадником действительно споткнулся, жалобно заржал и рухнул на колени прямо во влажный мох. Всадник среагировал мгновенно, с поразительной для его грузного тела ловкостью соскочил на землю и подхватил драгоценную ношу, не позволив свертку коснуться стылой грязи.

Мирослава из своего укрытия разглядела его лицо в сгущающихся сумерках. Широкие скулы, глубокий косой шрам через левую бровь до самого виска, седая щетина на тяжелой челюсти и взгляд, от которого веяло могильным холодом перебитого полка. Это лицо знали во всех порубежных острогах. Воевода Ратибор Залесец, первый меч великого князя Всеслава, гроза степных наездников и усмиритель мятежных вятичей.

Но сейчас грозный воевода выглядел затравленным зверем, прижатым к речному обрыву.

«Не стонать, Неждан», бросил Ратибор глухо, опуская ношу на сухую кочку под старой березой. «Лошадей расседлать, путы долой. Пусть уходят назад по гриве, собьют погоню со следа. Забирайте стрелы и сухари. Мы уходим в топи».

Старый дружинник с широкой бородой, которого воевода назвал Нежданом, сплюнул густую кровь под ноги: «В топи? На ночь глядя? Да ты в своем ли уме, Ратибор? Сзади сотник Богдан с тремя десятками отборных княжеских псов, а впереди Навь! Из этих мхов еще ни одна живая душа в броне назад не выбиралась!»

«Княжеские псы нам глотки перережут через полчаса, если останемся на суходоле», отрезал воевода, не оборачиваясь. «А в топях у нас есть хоть какая-то надежда. Княжича надо донести до сухого берега за Смородиной, чего бы это ни стоило».

Сверток на кочке зашевелился. Овчина сползла, и Мирослава увидела лицо подростка. Мальчишке было от силы лет шестнадцать. Белое, как полотно, лицо, тонкие черты, лихорадочный румянец на заострившихся скулах и тяжелый княжеский венец из темного серебра, криво съехавший на спутанные русые волосы. Княжич Любомир, единственный законный сын и наследник великого князя Всеслава. На шее юноши темнела страшная багровая борозда, словно его уже примеряли к веревке или тянули ритуальной удавкой.

Мирослава невольно шевельнулась, и сухая ветка под ее сапогом отозвалась отчетливым щелчком.

Реакция воинов была мгновенной. Ратибор даже не повернул головы, но его рука уже метнула короткий засапожный нож в сторону ольхи. Лезвие с глухим стуком вонзилось в древесный ствол ровно в двух вершках от виска Мирославы.

«Выходи, кто там в кустах прячется», прорычал воевода, вынимая из ножен тяжелый боевой меч с широким долом. «Выходи сам, пока Лучезар не всадил тебе каленый наконечник в глаз».

Молодой дозорный лучник, самый худой и гибкий из дружинников, уже держал тугой ясеневый лук наготове, натянув тетиву до самого уха.

Мирослава медленно поднялась из-за поваленного ствола, подняв пустые руки. На ней была простая холщовая понева, подпоясанная плетеным веревочным пояском, грубая шерстяная безрукавка и перекинутая через плечо сума с травами.

«Не трать стрелу, служивый», спокойно произнесла она, глядя прямо в глаза лучнику. «Я стреле не враг, да и вам не соперник. Только если вы в этой трясине без ума шагать начнете, ни твои стрелы, ни воеводский меч вас от черного омута не выкупят».

Неждан опустил топор и недоверчиво прищурился: «Баба? В этой глуши? Девка, ты откуда здесь взялась? Лешачиха, что ли?»

«Знахарка я. Из урочища Черный Плёс», ответила Мира, сделав шаг вперед и не сводя взгляда с Ратибора. «Землянка моя в полуверсте отсюда, у ручья. А вас я по следу чуяла еще с полудня. Железом от вас разит за пять верст, и страхом».

«Мы страха не ведаем, девка», рыкнул молодой лучник Лучезар, но тетиву чуть ослабил.

«Ведаете», тихо сказала Мира. «И правильно делаете. Потому что за этой кочкой кончается Явь. Дальше заповедные топи Нави. Древние мхи, где живым людям хода нет. Кто вас надоумил сюда мальчишку в полусмерти тащить?»

Ратибор подошел к ней вплотную. От него пахло потом, оружейной гарью, мокрой шерстью и свежей кровью. Его тяжелый взгляд на мгновение задержался на простом деревянном обереге на ее груди, затем скользнул к холщовой суме.

«Ты здешние тропы знаешь?» спросил он без лишних предисловий. Голос его звучал глухо, как удары могильного заступа о промерзшую глину.

«Знаю», ответила Мирослава. «Каждую кочку, каждое гнилое бревно и каждое окно знаю. Только не поведу я вас».

«Поведешь», Ратибор сделал еще шаг, нависая над ней всей своей бронированной массой. «Я тебе серебром заплачу. Гривну шейную отдам, вот эту, чистой ковки. Или силой заставлю. Выбирай сама, травница».

Мира не отступила ни на вершок, встретив его взгляд спокойными, холодными серыми глазами: «Серебро твое брось в омут, воевода. Трясине металл без надобности. А силой ты меня только до первой мочажины доведешь. Сделаю шаг в сторону, сама на сухое колено встану, а вы всей дружиной в черную кашу уйдете за три вздоха. И никакая кольчуга тебя не вытянет, только быстрее на дно утянет».

Неждан тяжело вздохнул, опершись на черенок топора: «Девка дело говорит, Ратибор. Нельзя с ведуньями нахрапом. Пропадем зазря».

Воевода скрипнул зубами, и желваки на его исхудавшем лице натянулись, как жилы: «У нас нет выбора, травница. Сзади идет сотник Богдан с карательной сотней великого князя. У них на сворах волкодавы, обученные рвать людей. Они идут не брать в плен. Всеслав приказал вырезать нас под корень, а голову княжича привезти в столицу на железном блюде».

Мирослава перевела взгляд на распростертого на овчине подростка. Княжич тяжело, прерывисто дышал. Из-под его век сочились мутные слезы, а губы беззвучно шевелились, повторяя одно и то же слово: «Холодно... Батюшка, не надо... Холодно...»

«Почему родной отец охотится за собственным первенцем?» спросила Мира, чувствуя, как внутри зарождается нехороший, липкий холодок. «Князь Всеслав славился свирепостью, но своих сыновей на плаху князья просто так не посылают».

«Всеслав сошел с ума», коротко бросил Ратибор, и в его голосе прорезалась неподдельная горечь. «Он захотел того, чего смертным желать запрещено. Захотел вечной жизни и несокрушимой власти над всеми уделами от моря до гор. Полгода назад он вскрыл древние курганы в урочище Погиблое, нарушив завет первых князей. А три дня назад волхвы черного капища нашептали ему, что для завершения обряда нужна царская кровь. Кровь его первенца. Всеслав сам накинул шелковую удавку на шею Любомира в опочивальне. Я успел выбить нож и срубить стражу у дверей. Теперь я изменник, а мальчик объявлен проклятым».

Мирослава замерла. Картина происходящего сложилась в ее голове с пугающей, беспощадной ясностью.

Вот почему топи стонали всю последнюю седмицу. Вот почему с южных болот тянуло запахом тухлого железа, а багульник зацвел второй раз за лето черными, уродливыми гроздьями. Древний завет княжеского рода, скрепленный сотню лет назад на Черном Камне, был разорван. Князь Всеслав осквернил курганы, прикоснулся к мертвой руде, а теперь привел к рубежу живую плату.

«Вы привели сюда не просто беглеца», прошептала Мира, глядя на воеводу с ужасом. «Вы привели сюда кровь клятвопреступника. Топи Нави не спасут вас, воевода. Они ждут эту кровь. Они требуют плату за поруганный завет. Если мы сделаем шаг за ольховую засеку, древняя нечисть поднимется со дна каждого омута».

«Пусть поднимается!» рявкнул Ратибор, и глаза его сверкнули бешеным, отчаянным огнем. «С мертвяками я готов рубиться до последнего вздоха! Но живого мальчишку на растерзание отцу-палачу я не отдам! Ты пойдешь с нами, травница. Не ради меня. Ради него. Неужели в твоем сердце нет жалости к сироте, чья вина лишь в том, что он родился от безумного князя?»

Мирослава посмотрела на Любомира. Мальчик судорожно сжал край тулупа тонкими, почти прозрачными пальцами. На его запястье Мира заметила старый детский оберег из речной ракушки, точно такой же, какой носили крестьянские ребятишки в ее деревне. Он был не князем. Он был просто испуганным ребенком, которого предал самый близкий человек.

«Жалость в топях Нави стоит дешевле прошлогодней осоки», тихо произнесла Мира. «Но бросить его здесь на растерзание псам Богдана грех перед Правью. Я проведу вас до Костяной гати. Но слушайте меня в оба уха, ратники. Если хоть один из вас ослушается моего слова, если хоть кто-то достанет меч без моего приказа или обернется на зов в тумане, я оставлю вас там, где упадете. И спасать не стану».

«Договорились», кивнул Ратибор, пряча нож в ножны. «Неждан, Лучезар, Ерофей, коней в чащу, живо!»

Пожилой коренастый обозник Ерофей, до сих пор молча державший поводья, быстро снял с седел кожаные сумы с провизией и запасными тетивами, после чего хлестнул коней хворостиной по крупам, направляя их обратно в сторону тракта. Животные, всхрапывая от ужаса, с треском ломанулись сквозь перелесок.

И в этот же миг вечернюю тишину разорвал далекий, протяжный и леденящий душу звук.

Это был не волчий вой. Это был низкий, трубный лай тяжелых княжеских волкодавов, подхваченный звонкими охотничьими рожками. С суходола, сквозь темнеющие стволы сосен, замелькали первые красноватые отблески смоляных факелов.

«Настигли!» выдохнул Лучезар, вскидывая лук. «Слишком быстро идут, бесы! Они пустили конных в обход оврага!»

Мирослава резко повернулась к темной, клубящейся паром стене болотного тумана, поднимающегося над мшаником: «Опусти лук, дурень! Огонь стрелы только покажет им, где мы стоим! Берите княжича на руки и ступайте за мной след в след. Наступать только на зеленый мох. Если нога попадет на рыжий или черная вода выступит выше щиколотки, замирайте и не дергайтесь!»

Ратибор подхватил бесчувственного Любомира на руки, прижав к своей кольчуге. Дружинники выстроились в цепочку за спиной воеводы.

Мира шагнула с сухого берега на узкую, еле заметную тропинку, скрытую под стеблями цветущего багульника. Земля под ее поршнями мягко спружинила, из-под мха с чавканьем поднялась темная, пахнущая гнилыми костями вода.

Позади, на опушке леса, уже слышался конский топот и грубый, торжествующий крик сотника Богдана: «Окружай перелесок! Воеводу брать живым, княжича не жалеть! Они у кромки болот, деваться им некуда!»

Первая стрела с шипением прорезала сумерки и с сухим стуком вонзилась в ствол ольхи позади Нежданa.

А впереди, из самой глубины бездонных топей, сквозь стелющуюся белесую пелену тумана, донесся тяжелый, утробный вздох просыпающейся трясины, словно нечто колоссальное и древнее повернулось на своем илистом ложе, приветствуя долгожданную добычу.

Глава 2. Черная ольха и первый узел

Холодная жижа моментально залилась через голенища поршней, обжигая кожу словно ледяным кипятком. Каждый шаг давался с глухим чавканьем, болото не хотело отпускать чужаков, цепляясь за пятки липкими корнями хвоща, склизкими пучками отмершей осоки и скользким торфом. Под ногами не было твердого дна: лишь колышущийся ковер переплетенных трав, под которым угадывалась студеная, темная толща трясины. Но останавливаться было нельзя: позади, на сухой песчаной косе, трещали ломаемые кусты, звенели железные звенья кольчуг и раздавался яростный лай спущенных со сворок княжеских псов.

«Не оглядываться!» негромко, но властно бросила Мирослава через плечо. «Идите ровно в мой след! Ногу ставить плашмя, вес переносить плавно, словно по тонкому льду ступаете! Если дернетесь в сторону, ни один пояс вас из трясины не выдернет!»

Она быстро скинула с плеча холщовую суму, нащупала пальцами берестяной туесок с печной золой и тонкий конопляный шнур, вымоченный в отваре девясила и можжевеловых ягод. Впереди, прямо на границе сухого берега и гиблого урочища, росла старая черная ольха. В народе ольху почитали деревом пограничным, деревом мертвых: ее древесина на срезе мгновенно краснела, словно истекала человеческой кровью. Ее узловатые, искривленные корни торчали из черной жижи, напоминая скрюченные пальцы утопленника, жадно хватающие воздух.

Мира подскочила к нижнему суку, ловко перехватила ветку и завязала тройной науз, туго затягивая петли зубами и пальцами. На каждый узел она шептала скорый защитный наговор, которому ее учила бабка Ефросинья долгими зимними ночами при треске лучины: «Как ольха горька, так наша тропа чужим слепа. Кто с железом придет, тот в тине сгинет, кто с псами прибежит, тот очи пеплом засыплет. Замок в воду, ключ в Навь, прахом родного очага запечатано отныне и довеку».

Она сыпнула щедрую горсть серой печной золы прямо на свежие следы воеводских сапог и на ветви ольхи. Печная зола хранила память огня и тепла родного дома, а этого тепла нечисть и звери пограничья боялись пуще каленого железа.

«Что ты там колдуешь, девка?» глухо прохрипел Неждан, тяжело дыша за спиной Ратибора. Старый десятник нес тяжелый круглый щит, обитый сыромятной кожей, и его ноги уходили в мох глубже, чем у остальных. «Псы уже на хвосте! Вон, морды рыжие из вереска лезут!»

Из перелеска с бешеным рычанием выскочили два огромных брудастых пса. Это были страшные псы княжеской охоты, вскормленные сырым мясом и человеческой требухой, с тяжелыми железными шипами на широких кожаных ошейниках. Эти волкодавы были обучены валить с ног беглых холопов и рвать горло латникам. Увидев беглецов, волкодавы с победным взлаиванием рванули вперед, прямо через границу черной ольхи.

Но едва их лапы коснулись полосы, посыпанной золой, вожак стаи взвизгнул, закрутил головой и яростно зачихал, словно вдохнул раскаленные угли. Запах человека исчез, смытый горьким духом ольхового науза. Ослепленный пес потерял тропу и с размаху прыгнул на обманчиво ровную зеленую поляну, сплошь затянутую изумрудным мохом.

Раздался чавкающий, влажный звук. Зеленый ковер мгновенно разорвался, как тонкая холстина. Под ним оказалась бездонная черная мочажина. Пес ушел в жижу сразу по холку, отчаянно забил передними лапами, поднимая тучи зловонных пузырей, но трясина с жадным всхлипом сомкнулась над его мордой. Второй кобель успел затормозить на самом краю, испуганно заскулил, задрожал всем телом и попятился назад к деревьям, поджав хвост к брюху.

«Святые боги...» прошептал молодой Лучезар, побелевшими пальцами сжимая ясеневый лук. «Там же дна нет! Земля живьем глотает!»

«Я предупреждала», отозвалась Мира, затягивая ремень сумы. «Здесь трава не растет, здесь только мох плавает поверх бездны. Ступайте за мной и дышите носом. Ртом багульник

не хватайте, иначе голова пойдет кругом, начнется болотный дурман, и ноги сами понесут в трясину. Болото не любит спешки, болото уважает покорность».

Позади, у кромки леса, высыпали спешившиеся каратели. Сквозь туман замелькали красные плащи и блеснули кованые шлемы. Сотник Богдан, высокий, жилистый воин с узким хищным лицом и коротким топориком в руке, выскочил на берег, с яростью глядя на уходящий в туман отряд.

«Трусы! Изменники!» гремел голос Богдана над болотом, эхом разносясь по спящим заводям. «Ратибор, выходи на честный бой! Не позорь воинскую честь, не прячься за бабьей юбкой в собачьей грязи! Князь Всеслав велел живьем содрать с тебя кожу за спасение ублюдка! Отдай княжича, и я обещаю тебе легкую смерть от топора!»

Ратибор даже не повернул головы на эти оскорбления. Он лишь крепче перехватил бесчувственного Любомира, прижимая голову юноши к своей кольчуге. Шаг воеводы был тяжелым, уверенным, хотя под каждым его сапогом из мха выступала ржавая вода.

«Пусть брешет», тихо бросил воевода. «Богдан храбр только тогда, когда за его спиной три десятка копейщиков. В топь он ночью не полезет, кишка тонка. Он будет ждать рассвета на суходоле, надеясь, что болото сделает за него всю черную работу».

«До рассвета еще дожить надо», мрачно заметил Ерофей, тащивший за плечами два тяжелых холщовых мешка с сухарями, солью и запасными наконечниками стрел. «Глядите, братцы, туман-то какой пошел. Не простой это пар, ох не простой. Словно парное молоко, только холодом от него разит, как из ледника. В таком тумане родного брата в двух шагах потеряешь».

Туман действительно сгущался с пугающей быстротой. Белесые, рваные клочья ползли по мшанику, поднимаясь до колен, затем до пояса, скрывая кочки и черные лужи. Стало трудно дышать: сырой воздух сделался густым, липким и пахнул застарелым илом, прелой листвой и чем-то сладковатым, приторным, похожим на запах увядших белых кувшинок в стоячей воде.

Мирослава вела отряд по узкой гряде, где под слоем торфа еще чувствовались древние замшелые валуны. Это была старая звериная тропа, по которой по весне ходили лоси. Но даже зверь ступал здесь с великой осторожностью, проверяя копытом каждую кочку.

«Воевода», не оборачиваясь, позвала Мира. «Сними с княжича серебряный венец. Немедленно».

Ратибор нахмурился, сбавив шаг: «Зачем? Это знак его законной власти. Знак того, что он сын правителя, а не беглый смерд. Если мы потеряем венец, на новгородских землях нам нечем будет доказать его род».

«Венец этот здесь как факел в ночи», отрезала травница. «В нем кованое серебро, освященное на крови старых жертв. Оно звенит в тишине Нави, призывая тех, кто спит под кочками. Если не снимешь, они придут не за нами, они придут за венцом. Ты забыл, чей завет нарушил его отец? Они чуют кровь Всеслава за десять верст, а серебро притягивает их как свеча ночных мотыльков».

Ратибор помолчал мгновение, вглядываясь в серое лицо мальчика, затем скрипнул зубами и свободной рукой стянул с головы потерявшего сознание юноши тяжелый обруч из темного серебра с гравированными соколиными крыльями. Он сунул его глубоко за пазуху, под стеганый поддоспешник.

«Так лучше?» буркнул воевода.

«Лучше будет, когда мы перейдем Чертов лог», отозвалась Мира. «А до него еще три версты по плавучему мху. Шагайте шире, но не прыгайте. Если кочка качнется, переносите вес на пятку, не на носок. И держите язык за зубами: на болотах лишнее слово эхом отдается прямо в уши тем, кто на дне лежит».

Они шли почти в полной тишине, нарушаемой лишь хриплым дыханием воинов да плеском потревоженной жижи. Сумерки окончательно угасли, уступив место беззвездной, плотной ночной тьме. Лишь изредка над черными окнами трясины вспыхивали крошечные, бледные

огоньки фосфора. Они дрожали над водой, словно свечи в руках невидимых утопленников, то загораясь, то гаснув от легкого дуновения сырого ветерка.

«Не глядеть на огни», предупредила Мирослава. «Это навьи свечки. Будете смотреть, глаза перестанут тропу различать. Навья свеча в омут манит: кажется, что впереди огонек избы светится, шагнешь, а там три сажени ила под ногами».

Лучезар шел третьим в цепочке, сразу за Нежданом. Молодой лучник поминутно оглядывался назад, нервно вздрагивая от каждого шороха прибрежного тростника. Парню не давала покоя память: его родная деревня стояла на берегу быстрой реки, и три года назад во время весеннего ледохода утонула его младшая сестра Аленка. Тело девочки унесло половодьем, и мать до самой смерти плакала по ночам, прислушиваясь к шуму речной волны. Сейчас, в этой гиблой тишине, эти воспоминания навалились на Лучезара с удесятеренной силой.

Ему казалось, что из темноты за ними кто-то неотступно следит. Не волки и не люди Богдана. Что-то огромное, бесформенное, плывущее прямо под поверхностью мха.

Внезапно шелест сухого камыша справа от тропы затих. Наступила мертвая, противоестественная тишина, в которой даже бульканье болотных газов показалось бы избавлением.

И в этой вязкой тишине раздался звук.

Это был тихий, жалобный, прерывающийся плач. Словно в трех шагах от тропы, в густых зарослях рогоза, плакал маленький ребенок, потерявшийся в ночном лесу.

Лучезар вздрогнул и замер на месте, опустив ногу прямо в ледяную воду: «Слышите? Там... там дитя плачет!»

«Не слушай, парень!» резко крикнул Неждан, хватая лучника за плечо. «Пошли дальше! Нет здесь никаких детей, откуда им взяться в пяти верстах от сухого берега!»

Но плач не умолкал. Напротив, он стал громче, переходя в нежные, тоскливые всхлипывания, от которых сжималось сердце: «Лучик... Братик Лучезар... Помоги мне... Мне холодно, братик... Я ножку о корягу поранила... Вода холодная, колючая... Забери меня домой, Лучик...»

Лучезар замер, словно пораженный громом. Его глаза расширились, зрачки заполнили всю радужку, став черными и совершенно пустыми: «Аленка? Это же Аленка... Моя сестренка... Она три года назад в весеннее половодье утонула... Ее тело так и не нашли... Она живая... Она ждала меня...»

«Лучезар, стой!» закричала Мирослава, резко поворачиваясь на узкой кочке. «Это морок! Это болотница зовет! Заткни уши, читай молитву Роду, не слушай ее!»

Но юноша уже ничего не слышал. Лицо его озарилось безумной, отрешенной нежностью. Он выпустил из рук боевой лук, который с глухим плеском упал в грязь, и сделал широкий шаг в сторону от тропы.

«Аленка, я здесь... Я иду, маленькая... Я вытащу тебя...» пробормотал он заплетающимся языком.

«Держи его!» рявкнул Ратибор, пытаясь перехватить княжича одной рукой и дотянуться мечом до лучника.

Но было поздно. Лучезар сделал второй шаг, сходя с безопасной полосы мшаника прямо на край черного, маслянисто блестящего омута, окруженного венком из белых болотных лилий. Вода в омуте слабо светилась мертвенным бирюзовым фосфором, а по краям колыхались длинные, шелковистые нити тины.

Едва его сапог коснулся поверхности, мнимая твердь разверзлась. Лучезар с глухим вскриком провалился по пояс в черную бездну.

И в тот же миг из светящейся глубины омута, раздвигая стебли лилий, бесшумно поднялись две белые, длинные руки. Кожа на них была мертвенно-бледной, гладкой, как у налима, а тонкие пальцы заканчивались длинными полупрозрачными когтями, похожими на рыбьи кости.

Эти ледяные руки с пугающей силой сомкнулись на бедрах лучника, с вожделением увлекая живое человеческое тело вниз, в бездонную пасть Нави.

Глава 3. Зов болотницы

Вода в омуте взбурлила черной пеной, когда Лучезара рвануло вниз. Лучник успел лишь коротко всхлипнуть, запрокинув голову, и его пальцы судорожно вцепились в прибрежный хвощ, вырывая сочные зеленые стебли с корнем. Ледяные белые пальцы утопленницы уже скользили вверх по его бедрам, добираясь до наборного воинского пояса.

«Не руби железом!» отчаянно крикнула Мирослава, видя, как Ратибор, положив бесчувственного княжича на сухую кочку, уже заносит свой тяжелый клинок над мутной гладью. «Сталью воду не убьешь, только хуже разозлишь!»

Воевода не послушал. С глухим боевым рыком он обрушил меч на воду ровно между плечом лучника и белыми руками нечисти. Раздался резкий, хрустящий звук, словно клинок рассек гнилое подводное бревно. Но лезвие лишь вспенило вонючую жижу. Белые пальцы даже не дрогнули, напротив, из глубины омута медленно поднялось девичье лицо.

Оно было пугающе прекрасным и страшным одновременно. Тонкий нос, бледные припухшие губы с синеватым отливом и огромные, совершенно круглые глаза цвета стоячей тины без зрачков и белков. Длинные, зеленовато-черные волосы струились по воде, сплетаясь со стеблями лилий и водорослей. Болотница улыбнулась, обнажив мелкие, острые, как у щуки, зубы.

«Мой...» прошелестел ее голос, эхом отдаваясь в ноздреватом торфе. «Живой... Теплый... Мальчик мой...»

Лучезар захрипел, погружаясь в жижу уже по самую грудь. Сила у твари была нечеловеческой, могильной.

Мирослава не стала терять ни мгновения. Она выхватила из холщовой сумы пучок прошлогодней горькой полыни и сухой стебель багульника. Пальцы ее с поразительной сноровкой ударили кресалом о кремень. Сноп желтых искр брызнул на сухой трут. Маленький огонек жадно впился в сухую траву, и в сырой ночной воздух ударила струя едкого, горького, невыносимо плотного белого дыма.

Мира присела на самом краю мочажины, сложила ладони лодочкой и с силой дунула, направляя тлеющий травяной ком прямо в лицо всплывшей твари.

«Изыди, заложная!» звонким, резким голосом заговорила травница древнее изгоняющее слово, которому ее научила покойная бабка Ефросинья. «Не твоя это плоть, не твое семя! Полынью глаза тебе засыплю, багульником нутро выжгу! Уходи в свой омут, к жабам да пиявкам, под корягу гнилую, пока печной золой твое логово не запечатала!»

Едкий дым коснулся мертвенно-бледной кожи болотницы. Тварь издала страшный, пронзительный визг, похожий на крик раненой чайки. Ее тинистые глаза налились мутной желтизной, а пальцы судорожно разжались, выпуская ремни лучника. Она отшатнулась назад, взметнув фонтан зловонной жижи, и зашипела, словно на ее лицо плеснули кипящей смолой.

«Тяни, Неждан!» рявкнул Ратибор.

Старый десятник уже стоял на коленях в мокром мху, уперевшись сапогами в узловатые корни березы. Он намертво вцепился обеими руками в ворот Лучезаровой рубахи и рванул изо всех сил своего могучего тела. Ратибор подхватил лучника под мышки. С отвратительным хлюпаньем трясина выпустила свою добычу. Лучезара выволокли на безопасный мох, где он повалился на бок, судорожно кашляя черной болотной грязью и дрожа всем телом в жестокой лихорадке.

Но болотница не ушла на дно сразу. Она замерла в трех саженях от тропы, покачиваясь на темной воде среди белых лилий. Ее лицо исказилось нечеловеческой, глумливой злобой.

«Полынью гонишь, ведьмина порода?» прошипела она, и в ее голосе звенели сотни голосов всех утопленниц, сгинувших в этих топях за три века. «Гони, гони... Только живыми вам

отсюда не выйти. Княжеское семя вошло в дом мертвых! Княжич ваш меченый! Старый Всеслав предал завет предков, сломал клятвенный камень ради мертвого серебра, а теперь вы его долг своими телами платить станете! Хозяин Болот проснулся, Трясинный Дед чует кровь! Всех заберем! Всех в тину утянем!»

С этими словами тварь дико, задорно захохотала и с громким плеском ушла на дно, оставив на воде лишь расходящиеся круги да лопающиеся маслянистые пузыри.

Тишина снова сомкнулась над болотом. Тяжелая, душная, пахнущая гарью полыни и болотным гниением.

Лучезар лежал на животе, царапая мох ногтями. Губы его посинели, а взгляд блуждал по темноте: «Аленка... Она же звала меня... Как живая...»

«Молчи, дурья твоя башка», хрипло проворчал Нежданн, отвесив парню увесистый, но не злой подзатыльник. «Живая бы тебя на дно не тащила. Скажи спасибо знахарке, не то кормил бы сейчас раков на дне омута».

Мирослава подошла к лучнику, достала из поясного кошеля щепотку сушеной мяты и заставила парня разжевать горькие сухие листья: «Жуй и глотай слюну. Это морок отгонит. Если еще хоть раз услышишь детский голос или бабий смех, не вздумай отзываться. Прикуси язык до крови. Боль морок ломает лучше всякого железа».

Она повернулась к воеводе. Ратибор стоял на коленях возле княжича Любомира, проверяя дыхание юноши. Лицо воеводы в неверном свете тлеющего багульника казалось высеченным из серого гранита.

«Она сказала правду», негромко произнесла Мира, глядя воеводе прямо в переносицу. «Твой князь Всеслав не просто нарушил завет. Он расколол клятвенный камень. Рассказывай все, воевода. До единого слова. Иначе я развернусь и уйду назад, а вы останетесь здесь подыхать. Я не стану вести дружину на верную смерть ради тайн, о которых вы молчите».

Ратибор поднял на нее тяжелый, усталый взгляд. В глубине его темных глаз блеснула застарелая боль, которую этот суровый воин носил в себе долгие месяцы.

«Я не лгал тебе, травница», глухо начал он, опираясь рукой на рукоять меча. «Сто лет назад, когда дикие кочевники сожгли все порубежные остроги и осадили старый град, прадед Всеслава, князь Ярополк, пришел сюда один. Без дружины, без меча, босой. Он принес на Черный Каменное урочище жертву Хозяину Болот. Кровную клятву. Князья поклялись, что ни один человек из их рода никогда не срубит вековых дубрав в заповедных топях, не станет копать болотную руду из священных курганов и не потревожит покой заложных костей. А Хозяин Нави пообещал, что топи станут непроходимой стеной для любого врага княжества».

«И стена держалась сто лет», тихо подтвердила Мира. «Бабка Ефросинья говорила, что пока завет цел, живые люди могут спать спокойно».

«Всеслав нарушил клятву прошлой осенью», продолжил воевода, и голос его задрожал от сдерживаемой ярости. «Казна князя опустела из-за бесконечных пиров и жалованья иноземным наемникам. И тогда к нему явились черные волхвы из полуночных земель. Они сказали князю, что под Черным Курганом в сердце топей зарыто древнее серебро первых волхвов и жила болотного железа, из которого можно ковать мечи, рассекающие любой доспех. Всеслав послал две сотни рудознатцев и лесорубов. Они осквернили старые могилы, разбили клятвенный камень надвое и начали копать руду».

«Безумец...» прошептала Мирослава, прижав ладонь к груди. «Он потревожил кости тех, кого нельзя будить».

«Рудознатцы не вернулись», мрачно добавил Нежданн, подсаживаясь к воеводе. «Все две сотни там и сгинули за одну ночь. А через луну на княжество пошел черный мор. Скот падал на пастбищах, у баб рождались мертвые дети, а по ночам в окна теремов начали скрестись навьи. Всеслав испугался. Черные волхвы сказали ему, что гнев Нави можно утихомирить только

одним: отдать топи взамен нарушенного камня самое дорогое. Своего первенца. И Всеслав согласился».

«Он согласился убить Любомира?» в голосе Лучезара прозвучал неприкрытый ужас.

«Не просто убить», ответил Ратибор. «Принести на алтаре в жертву, чтобы самому получить силу мертвых и бессмертие. Когда я понял, что готовится, я собрал свой верный десяток и выломал двери поруба, где держали мальчика. Из десяти моих братьев по оружию в живых остались только мы трое. Остальные полегли у ворот княжеского детинца и на переправе через Смородину, сдерживая карателей Богдана».

Воевода замолчал. В сыром воздухе повисла тяжелая тишина.

Мирослава подошла к княжичу. Любомир метался на овчине, его лоб горел, а из приоткрытого рта вырывался хриплый свист. Девушка приложила ладонь к его шее: кожа мальчика была неестественно холодной, несмотря на жар, а под тонкой кожей ключицы отчетливо проступали темные, синеватые прожилки, похожие на корни речного тростника.

«Зов уже в нем», сказала Мира. «Он княжеской крови, а кровь связана с заветом. Топи тянут его к Черному Кургану, как магнит тянет железную стрелу. Если мы пойдем вперед, мы пойдем прямо в пасть к Хозяину Нави».

«Назад дороги нет, травница», твердо сказал Ратибор. «Сзади Богдан с карателями. Там для Любомира только плаха и отцовский нож. У нас остался лишь один путь: сквозь топи на вольные новгородские суходолы. Там княжеская власть Всеслава бессильна».

«До суходолов пятьдесят верст по гиблым урочищам», покачала головой Мира. «И мы здесь больше не одни».

Она указала пальцем на прибрежную полосу мха позади их стоянки.

Неждан поднял смоляной факел, который Ерофей зажег от огнива, и шагнул к следу. Пламя осветило влажный торф.

На сыром, податливом мху отчетливо чернели глубокие, страшные отпечатки. Это были следы босых человеческих ног, но пальцы заканчивались длинными, глубоко вспоровшими мох когтями, и ступни были вывернуты задом наперед: пятка смотрела вперед, а когтистые пальцы назад.

«Навьи...» выдохнул старый десятник, и его борода мелко затряслась. «Заложные покойники по следу идут».

«Не один и не два», тихо добавила Мирослава, вглядываясь в окружающую тьму. «Целая стая. Они чуют кровь княжича. И они идут след в след за нами».

И словно в подтверждение ее слов, из клубящегося за спиной тумана донесся сухой, монотонный звон старинного, проржавевшего железа. Это звенели кольчужные кольца, ударяясь о медные бляхи истлевших наборных поясов.

Сквозь белесую пелену хмари начали проступать темные, сгорбленные силуэты. Их было не меньше десятка. Они двигались без единого всплеска воды, бесшумно переступая с кочки на кочку. На их истлевших плечах висели клочья ржавых панцирей времен древней сечи, а из-под надвинутых на глазницы шеломов на живых воинов холодно и жадно уставились оскаленные человеческие черепа.

Глава 4. Мертвецы со Смородины

Ржавые мечи заложных мертвецов поднялись над белесой пеленой тумана с сухим, шелестящим звоном. От наступающей шеренги веяло не просто холодом, а мертвенной затхлостью вековых склепов, сырой разрытой глиной и запахом остывшего погребального костра.

«Круговая оборона!» скомандовал Ратибор, мгновенно шагнув вперед и закрыв собой распростертого на овчине княжича. «Щиты сомкнуть! Лучезар, стреляй в глазницы, по костям железо пускать без толку!»

Неждан с глухим глухим рычанием ударил обухом топора в свой щит, вставая плечом к плечу с воеводой. Старый обозник Ерофей выхватил из-за пояса широкий кузнечный клевец с граненым клювом, а Лучезар, пересиливая дрожь в онемевших пальцах, положил на тетиву первую оперенную стрелу.

Мирослава тем временем опустилась на колени позади воинов, торопливо развязывая берестяную солонку.

«Огня!» крикнула она воеводе. «Навьи боятся живого пламени и соли! Если пробьют щиты, держите их за чертой!»

Она щедрой полосой рассыпала крупную серую соль прямо по сырому мху вокруг княжича Любомира, замыкая ровный круг. Каждая крупица соли шипела при соприкосновении с болотной водой, испуская слабый белесый парок.

Первый мертвец шагнул на гряду торфяника с пугающей, неестественной скоростью. Его сухожилия, высохшие и почерневшие, натянулись под полуистлевшей кольчугой, как тетивы. На черепе чудом держался медный шелом с оторванной бармицей, а в пустых, забитых землей глазницах мерцали два крошечных багровых уголька. Он занес над головой зазубренную железную полосу, бывшую когда-то боевым палашом.

Лучезар спустил тетиву. Стрела с сухим треском вонзилась точно в лобную кость мертвеца, расколов древнюю медь шелома. Тварь лишь дернула головой, даже не замедлив шага. Стрела торчала из черепа, но мертвяк продолжал надвигаться, глухо щелкая оскаленными челюстями.

«Я же говорил, кости стрелой не испугаешь!» рявкнул Неждан.

Десятник шагнул навстречу, присел под удар ржавого палаша и с чудовищной силой вбил тяжелый кованый край своего щита прямо в ребра мертвеца. Сухие реберные кости с хрустом переломились. Следом свистнул топор Неждана: короткий, выверенный удар снес голову мертвяка с высохших шейных позвонков.

Череп покатился в тину, но обезглавленное тело продолжало слепо махать клинком, пытаясь достать воина костлявыми руками.

«Сюда, падаль!» Ратибор встретил сразу двоих нападавших.

Меч воеводы пел в воздухе широкими, свирепыми дугами. В этом человеке проснулся тот самый легендарный полководец, чье имя наводило ужас на половецкие кочевья. Первый удар Ратибора рассек нападавшего покойника наискось от ключицы до пояса, сбив с ног и разбросав высохшие кости по мху. Вторым возвратным движением воевода вогнал острие меча в сочленение бедра следующего мертвеца, лишая тварь опоры.

Но навьи не знали боли и страха. Их было слишком много для узкой гряды торфяника. Из тумана выступали все новые тени. Некоторые ползли на четвереньках, перебирая скрюченными пальцами с посиневшими ногтями, другие брели в полный рост, вытягивая костлявые руки к лежащему в круге Любомиру.

«Они чуют мальчика!» крикнула Мира, видя, как мертвецы упорно игнорируют фланги и рвутся прямо к центру стоянки. «Кровь Всеслава звенит в их ушах! Они хотят забрать княжича в Навь!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.